

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по средамъ. Цѣна за годъ 5 рублей съ пересылкою, какъ и безъ пересылки.

№ 17.

Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Пермской духовной семинаріи, въ Перми.

25 Апрѣля 1873 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1871 годъ. Служеніе Его Высокопреосвященства.

І. ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1871 годъ.

(Продолженіе.)

Духовное прощпеніе.

Благотворная дѣятельность пастырей Церкви, достойное прохожденіе ими своего высокаго званія, требующаго значительной степени духовнаго просвѣщенія, глубокихъ нравственныхъ убѣжденій, нерѣдко самоотверженія, ихъ вліяніе на своихъ пасомыхъ, наконецъ религіозно-нравственное состояніе паствъ — все это существенно зависитъ отъ того положенія, въ какомъ находятся учебныя заведенія, образующія и воспитывающія будущихъ дѣятелей на поприщѣ пастырскаго служенія. Мысль эта руководила предпринятымъ съ 1867 года

преобразованіемъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Проникнутое тою же мыслью, церковное правительство и въ минувшемъ году продолжало сосредоточивать свое вниманіе на совершеніи и довершеніи этой важной реформы, начинающей уже и теперь приносить первые благіе плоды и еще болѣе обещающей въ будущемъ благотворныя послѣдствія для религіозно-нравственныхъ интересовъ въ нашемъ отечествѣ. Попечительно обнимая своею дѣятельностью всѣ стороны столь важнаго и обширнаго дѣла, оно не переставало, по требованію вновь открывавшихся обстоятельствъ, предпринимать нѣкоторыя общія или частныя мѣры къ благоустроенію духовно-учебныхъ заведеній или къ болѣе твердому направленію ихъ по пути, на который они вызваны совершающимся преобразованіемъ.

Состояніе духовныхъ академій.

Духовныя академіи, преобразованныя въ 1869 и 1870 гг., болѣе и болѣе усваиваютъ то положеніе и направленіе, какія указаны имъ новымъ Уставомъ, и стремятся къ выполненію тѣхъ важныхъ задачъ, которыя предудказаны имъ, какъ высшимъ учебнымъ установленіямъ. Выраженіемъ оживленія и возвышенія ученой дѣятельности духовныхъ академій между прочимъ служить полученіе высшей ученой степени нѣкоторыми изъ ихъ профессоровъ. Въ минувшемъ году два ординарныхъ профессора — одинъ С.-Петербургской академіи и другой Московской — удостоены степени доктора богословія, по представленіи и публичномъ защищеніи ими своихъ сочиненій, составляющихъ самостоятельныя научныя труды.

Мѣры къ замѣщенію наставническихъ вакансій въ академіяхъ.

Замѣщеніе академическихъ кафедръ преподавателями, спеціально изучившими свою науку и соотвѣтствующими значительно возвысившемуся уровню научныхъ требованій, было однимъ изъ предметовъ заботливости Совѣтовъ академій, раздѣляемой и высшимъ духовнымъ начальствомъ. Сверхъ другихъ мѣръ, предпринятыхъ въ этихъ видахъ въ минувшемъ году, съ Высочайшаго соизволенія разрѣшено было Совѣту С.-Петербургской духовной академіи командировать въ Германію, съ апрѣля 1871 г., на одинъ годъ, доцента метафизики въ сей академіи Каринекаго для ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ преподаваемой имъ науки и слушанія лекцій профессоровъ философіи въ нѣмецкихъ университетахъ, преимущественно Геттингенскомъ и Іенскомъ. Совѣту академіи при этомъ предписано обязать доцента

Каринскаго доставлять изъ-за границы свѣдѣнія о состояніи изучаемой имъ науки и, по возвращеніи къ должности, представить Совѣту какъ полный отчетъ о заграничныхъ своихъ занятіяхъ, такъ и соображенія о примѣненіи сихъ занятій къ дальнѣйшему преподаванію метафизики въ академіи. Посылаемый за границу достаточно обезпеченъ въ средствахъ содержанія тамъ сохраненіемъ получаемаго имъ оклада по должности доцента и выдачею сверхъ того на путевыя издержки и годичное пребываніе за границую 1.500 р. изъ спеціальныхъ суммъ Святѣйшаго Синода.

Такъ какъ на объявленный московской духовной Академіей конкурсъ для замѣщенія вновь открытой каѳедры славянскихъ нарѣчій никто не явился, то, за неимѣніемъ въ виду достойнаго кандидата на эту каѳедру, академическому Совѣту разрѣшено командировать одного воспитанника той академіи, по окончаніи имъ III курса въ оной, на два года, въ одинъ изъ русскихъ университетовъ, для спеціальнаго теоретическаго изученія славянскихъ нарѣчій подъ руководствомъ ученыхъ спеціалистовъ по сему предмету, а послѣ такой подготовки въ университетѣ отправить его на одинъ годъ за границу, для ближайшаго практическаго ознакомленія со славянскими нарѣчійми, съ ихъ литературою, преподавателями и пр., съ тѣмъ чтобы по окончаніи трех-лѣтняго срока означенный воспитанникъ могъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій при академіи.

Совѣту Кіевской духовной академіи, гдѣ каѳедра латинскаго языка болѣе года оставалась вакантною, по неимѣнію въ виду соотвѣтствующихъ требованіямъ Устава лицъ для замѣщенія этой каѳедры, Святѣйшимъ Синодомъ дозволено допустить ординарнаго профессора тамошняго университета Модестова къ временному, до присканія штатнаго наставника, преподаванію въ академіи латинскаго языка и его словесности, съ исполненіемъ по каѳедрѣ всѣхъ обязанностей штатнаго преподавателя и съ вознагражденіемъ его жалованьемъ экстраординарнаго профессора въ количествѣ 1.600 рублей.

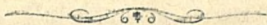
Распоряженія относительно воспитанниковъ академій.

Содѣйствуя Совѣтамъ академій въ ихъ попеченіяхъ о сформированіи полного и возможно лучшаго состава преподавателей, Святѣйшій Синодъ непосредственными распоряженіями принималъ мѣры къ по полненію академій достаточнымъ числомъ учащихся, и притомъ хорошо подготовленныхъ къ слушанію академическихъ уроковъ, а по своему нравственному характеру и направленію вполне соотвѣтствующихъ тому служенію, къ какому они пред-

назначаются, по окончаніи академическаго образованія. При этомъ обращено было вниманіе и на существующій порядокъ назначенія семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи, при которомъ возможенъ былъ и численный недостатокъ въ составѣ академическихъ курсовъ и еще болѣе—неполнѣ удовлетворительный выборъ назначаемыхъ къ поступленію въ академію. Доселѣ вызовъ воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій въ академіи производился на основаніи представляемыхъ Святѣйшему Синоду академическими начальствами разчисленій, безъ точныхъ свѣдѣній о томъ, имѣется ли въ той или другой семинаріи такое число воспитанниковъ, способныхъ и желающихъ поступить въ академію, какое предполагается изъ нея вызвать, и вслѣдствіе того нерѣдко происходило, что изъ семинарій, гдѣ было болѣе такого рода воспитанниковъ, вызывалось въ академію меньшее число, и наоборотъ—изъ семинарій, въ которыхъ было такихъ воспитанниковъ менѣе, требовалось большее количество. А это, въ свою очередь, вело къ тому, что въ однѣхъ семинаріяхъ лишались возможности поступить въ академію воспитанники болѣе даровитые, а въ другихъ начальства вынуждаемы были или высылать въ одну воспитанниковъ сравнительно менѣе даровитыхъ, или же отвѣчать, что въ семинаріи требуемаго числа воспитанниковъ способныхъ и желающихъ поступить въ академію не оказалось. Въ устраненіе означенныхъ неудобствъ, въ минувшемъ году поставлено семинарскимъ начальствамъ въ обязанность, чтобы ежегодно, не позже 1-го мая, представляли Святѣйшему Синоду точнѣйшія свѣдѣнія о томъ, сколько въ каждой семинаріи изъ воспитанниковъ оканчивающихъ курсъ ученія оказывается особенно достойныхъ къ отправленію въ духовную академію. Такимъ образомъ недостатокъ способныхъ къ поступленію въ академію воспитанниковъ въ одной семинаріи можетъ пополняться избыткомъ къ другой. Независимо отъ сего; дабы семинарскимъ правленіямъ предоставить возможность болѣе широкаго и соответствующаго выбора студентовъ въ составъ академическихъ курсовъ, Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено, на переходное время преобразованія семинарій, назначать въ академію изъ прежнихъ курсовъ семинаріи въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе новаго распредѣленія учениковъ по классамъ и состава нѣкоторыхъ классовъ изъ воспитанниковъ сравнительно слабѣйшихъ не окажется возможности избрать для поступленія въ академію достойныхъ изъ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ.

II. Служенія Его Высокопреосвященства.

17 сего апрѣля, въ день рожденія Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, божественную литургію Его Высокопреосвященство совершалъ въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи ректора семинаріи, протоіерея Іоанна Лаговскаго, соборной братіи и іеромонаха Константина, а по литургіи благодарственное Господу Богу молебствіе со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь говорилъ Александровской церкви священникъ Александръ Оглоблинъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Божественный характеръ Основателя христіанства. Разныя извѣстія.

Божественный характеръ Основателя христіанства*).

Первое впечатлѣніе, которое производитъ на насъ жизнь Іисуса, — это совершенная Его невинность и безгрѣшность среди этого міра, полного грѣха. Онъ, и одинъ только Онъ, сохранилъ незапятнанною чистоту дѣйствій въ юности и въ возрастѣ мужества. Поэтому агнецъ и голубь — символы наиболѣе Ему приличныя.

Онъ конечно искушаемъ былъ подобно намъ, — однако Онъ не подчинился искушенію. Его безгрѣшность была прежде всего относительная безгрѣшность Адама до паденія — отсюда необходимость испытанія и искушенія и возможность паденія. Если бы Онъ съ самаго начала былъ одаренъ рѣшительною неспособностію грѣшнить, то Онъ не былъ бы истиннымъ человѣкомъ и не могъ бы быть образцомъ для своихъ послѣдователей; Его святость не была бы Его собственною, само-пріобрѣтенною заслугою, а случайнымъ виѣшнимъ даромъ, и его искушеніе въ пустынѣ не было бы дѣйствительнымъ и истиннымъ искушеніемъ. Какъ человѣкъ, Христосъ могъ дѣйствовать свободно и съ отвѣтственностію за свои поступки, но свобода предполагаетъ способность выбора между добромъ и зломъ, возможность столько же непослушанія, сколько и послушанія волѣ Божіей. Но здѣсь уже является великое основное различіе между первымъ и вторымъ Адамомъ; первый Адамъ потерялъ свою невинность чрезъ злоупотребленіе своею свободою и, вслѣдствіе своего собственного непослушанія, подпалъ плачевной необходимости грѣха; между тѣмъ какъ второй Адамъ среди грѣшниковъ былъ и остался невиненъ, не смотря на всѣ искушенія. Такимъ образомъ первоначальная относительная безгрѣшность Христа, вслѣдствіе его собственной нравственной дѣятельности, правильного употребленія свободы и постоянного повиновенія волѣ Божіей, дѣлается все болѣе и болѣе абсолютною. Такимъ образомъ первоначальная *возмож-*

*) Извлечено изъ книги Шаффа: „Die Person Iesu Christi das Wunder der Geschichte.“

ность не грѣшить, которая заключаетъ въ себѣ и возможность грѣха, во Христѣ мало по малу развилась въ невозможность грѣшить, которая не можетъ грѣшить потому, что не хочетъ. Это есть высшая степень свободы, гдѣ она становится тождественною съ нравственною необходимостію, или абсолютнымъ и никогда и ничѣмъ неизмѣняемымъ самоопредѣленіемъ къ добру. Это свобода Бога и святыхъ на небѣ съ тѣмъ различіемъ, что святые достигли до этого состоянія чрезъ искупленіе отъ грѣха и смерти, между тѣмъ какъ Христосъ пріобрѣлъ ее своею собственною заслугою.

Напрасно бы мы искали во всей жизни Иисуса, какъ она рассказана въ Евангеліи, хотя единственнаго пятна, или малѣйшей тѣни на Его нравственномъ характерѣ. Никогда не жилъ на землѣ человекъ невиннѣе и безукоризненнѣе Его. Онъ никому не сдѣлалъ несправедливости и не причинилъ вреда ни одному человеку, Онъ не сказалъ ни одного неприличнаго слова и не совершилъ ни единого дурнаго поступка. Онъ высоко стоитъ надъ мелкими дѣлами, мнѣніями, радостями и страстями міра и совершенно равнодушенъ къ богатству, тщеславію, славѣ и наслажденіямъ людскимъ.

Единственное исключеніе противъ этой свободы отъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій, какое приводятъ противники христіанства изъ повѣствованія о Его жизни,—это видимое обнаруженіе страстности при изгнаніи изъ храма торжниковъ. Но уже то впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ фактъ, показываетъ, что Онъ вовсе не былъ страстною вспышкою, а скорѣе судебнымъ дѣйствіемъ религіознаго преобразователя, который съ праведною и святою ревностію охраняетъ и защищаетъ славу Господа храма. Это было обнаруженіе не слабости, а достоинства и величія, принудившее къ молчанію самихъ преступниковъ, не смотря на ихъ число и силу, такъ что они, исполненные священнаго ужаса предъ присутствіемъ вышечеловѣческой власти, безропотно подчинились заслуженному наказанію. Еще менѣе можно приписывать обыкновенной человѣческой несдержанности проклятіе смоковницы, такъ какъ очевидно это было глубокознаменательное символическое дѣйствіе, указывавшее на ужасный приговоръ осужденія, имѣвшій постигнуть нераскаянное іудейство въ разрушеніи Іерусалима. Оба эти факта могутъ быть поняты правильно и совершенно только тогда, когда мы признаемъ присутствіе Бога во Христѣ; потому что они показываютъ въ Немъ Господа храма и Господа творенія.

Совершеннѣйшая безгрѣбность Иисуса видна впрочемъ не столько отрицательно изъ отсутствія какого бы то ни было разказа о грѣховномъ словѣ, или дѣлѣ,—изъ безусловной свободы Его отъ какого бы то ни было слѣда самолюбія, или земнаго помысла, но и положительно изъ единогласнаго свидѣтель-

ства Іоанна Крестителя и апостоловъ, которые съ безконечнымъ благоговѣніемъ преклоняются предъ величіемъ Его характера и называютъ Его праведнымъ, святымъ и безгрѣшнымъ. Тоже и даже еще болѣе засвидѣтельствовано самими Его врагами. Языческій судія Пилать и его жена представляютъ собою римскій взглядъ на право и справедливость,—и они дрожатъ отъ страха и умываютъ руки, чтобы очистить себя отъ неповинной крови. Грубый римскій капитанъ въ качествѣ безпристрастнаго свидѣтеля событій, при крестѣ признаетъ: „поистиннѣ это былъ Божій Сынъ.“ Самъ Іуда, непосредственный свидѣтель всей жизни Іисусовой во время его общественнаго служенія, въ отчаяніи восклицаетъ: „согрѣшилъ я, продалъ кровь неповинную.“ Сама нѣмая природа въ таинственной симпатіи къ своему Господу выступаетъ свидѣтелемъ Его невинности,—небо своимъ мракомъ, земля своимъ колебаніемъ безсознательно приносятъ дань своего благоговѣнія божественной чистотѣ умирающаго Господа.

То возраженіе, что евангелисты или не знали вполнѣ всѣхъ фактовъ жизни Іисуса, или неправильно понимали Его характеръ, не представляетъ никакой важности. Помимо ихъ свидѣтельства мы имѣемъ собственное личное убѣжденіе самого Іисуса въ своей совершеннѣйшей свободѣ отъ грѣха и неправедности,—обстоятельство, которое оставляетъ намъ единственный выборъ между безусловной чистотой и безусловнымъ лицемѣріемъ, лицемѣріемъ, которое изъяснить можно только величайшимъ чудомъ, величайшею нравственною уродливостію, о какой только было слыхано и которое совершенно немыслимо и невозможно.

Уже тотъ фактъ, что Христосъ яснѣйшимъ образомъ указываетъ ту цѣль Своего пришествія въ міръ, чтобы искупить грѣшниковъ и содѣлать ихъ блаженными, необходимо предполагаетъ Его собственное сознаніе Своей личной безгрѣшности и неимѣнія для Себя надобности въ искупленіи. И такое именно неизгладимое впечатлѣніе производитъ на насъ Его вся жизнь и дѣятельность. Онъ никогда не показываетъ ни малѣйшей заботы о своемъ собственномъ спасеніи, Онъ сознаетъ Себя постоянно въ неразрывномъ единеніи съ Своимъ Небеснымъ Отцемъ. Ревностно и горячо призывая всѣхъ другихъ ко спасенію, Самъ Онъ никогда не чувствовалъ нужды въ какомъ нибудь исправленіи и возрожденіи. Заповѣдавъ своимъ послѣдователямъ въ четвертомъ прошеніи молитвы Господней, ежедневно, подобно какъ о насущномъ хлѣбѣ, молить Бога о прощеніи грѣховъ, Самъ Онъ никогда не просить у Бога милости, или прощенія, развѣ только для другихъ,—мало того,—одинъ между всѣми сынами человеческими усвоетъ Себѣ власть отпускать грѣхи. Чтобы уничтожить въ этомъ отношеніи и послѣднее сомнѣніе, мы укажемъ на Его

безрешетный вопрос, обращенный къ самымъ жесточайшимъ Его врагамъ: „кто изъ васъ обличитъ Меня въ грѣхѣ?“ Этимъ вопросомъ, на который и до настоящей минуты неслышно отвѣта, Христосъ яснѣйшимъ образомъ исключаетъ Себя изъ всякой виновности и грѣховности, общей всему человѣческому роду. Въ устахъ всякаго другаго человѣка такой вопросъ былъ бы яснымъ свидѣтельствомъ или глубочайшаго лицемерія, или такой огромной дозы самообольщенія, которая рѣшительно граничитъ съ безуміемъ; между тѣмъ изъ устъ Іисуса мы совершенно инстинктивно принимаемъ его, какъ торжествующую самозащиту единственнаго во всемъ родѣ человѣческомъ Лица, Которое стоитъ выше всякой возможности какого бы то ни было обвиненія, или подозрѣнія.

Предположеніе, что Христосъ былъ грѣшникъ и Самъ Себя признавалъ таковымъ, хотя и утверждалъ противное и производилъ на своихъ друзей и враговъ впечатлѣніе ничѣмъ незапятнанной невинности, было бы колоссальнѣйшимъ обманомъ, какой только можно выдумать.

Но если мы признаемъ, что Іисусъ Христосъ былъ безгрѣшенъ, то вмѣстѣ съ этимъ должны признать, что Онъ былъ и Богъ, ибо послѣ паденія во всемъ человѣчествѣ нѣтъ и не можетъ быть ни одного индивидуума, который бы былъ совершенно чуждъ грѣха.

Безгрѣшный Спаситель среди этого міра, исполненнаго грѣха, представляетъ изумительнѣйшій фактъ, величайшее нравственное чудо въ исторіи. Но эта свобода отъ вины и грѣха, столь общихъ всему человѣческому роду, составляетъ только отрицательную сторону Его характера, который является еще на большей высотѣ, если мы обратимъ вниманіе на его положительную сторону, именно на его безусловное нравственное и религіозное совершенство.

Даже деисты и рационалисты всѣхъ оттѣнковъ согласны съ тѣмъ, что Христосъ преподавалъ чистѣйшую и возвышеннѣйшую систему нравственности, которая оставляетъ въ глубокой тѣни всѣ нравственныя предписанія и правила мудрѣйшихъ и лучшихъ мужей древности. Одна нагорная проповѣдь безконечно выше всего, что Конфуцій, Сократъ и Сенека говорили и писали объ обязанности и добродѣтели,

Это различіе окажется еще большимъ, когда мы обратимся къ затруднительнымъ случаямъ практики и жизни. Всѣ системы нравственной философіи, взятыя вмѣстѣ, не въ состояніи обновить міра. Слова ничтожны, если онѣ не подкрѣпляются и не подтверждаются фактами. Святая жизнь есть несравненно большее побужденіе къ добру, чѣмъ самыя прекрасныя нравственныя правила или разсужденія. И съ этой стороны различіе между Іисусомъ и

величайшими мудрецами столь радикально и существенно, что не допускаетъ никакого сравненія. Цицеронъ, который при всемъ своемъ безграничномъ тщеславіи все-таки былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ и лучшихъ древне-римскихъ характеровъ, признается, что онъ въ продолженіи всей своей жизни не нашелъ ни одного совершеннаго мудреца, и что философія только показываетъ, какъ такой мудрецъ долженъ бы былъ поступать, если бы онъ когда нибудь появился на землѣ. Извѣстно, что мудрѣйшіе мужи Греціи и Рима одобряли рабство, притѣсненіе, месть, дѣтубійство, подкидываніе дѣтей, многоженство и другіе еще худшіе пороки, или, какъ корыстолюбивый и продажный Сенека, своею жизнію обличали во лжи свою собственную чистую мораль. Самые величайшіе святые Ветхаго Завѣта, которые оставались не безъ помощи благодати Божіей, не возвышались вполнѣ надъ нравственными недостатками. Можно съ полною увѣренностію утверждать, что самые чистѣйшіе и лучшіе люди, даже между христіанскими народами, никогда въ своей жизни не достигали даже до своего собственного далеко несовершеннаго уровня праведности.

Что же Христосъ? Онъ совершенно исполнилъ Свое совершеннѣйшее ученіе въ Своей жизни и дѣятельности. Онъ былъ тѣмъ, и дѣлалъ то, чему Онъ училъ. Онъ проповѣдывалъ своею собственною жизнію, и жилъ Своею собственною проповѣдію. Онъ живое воплощеніе идеальной мѣры добродѣтели и святости и всѣми признается за высочайшій образецъ и примѣръ для всего, что только есть чистаго, добраго и благороднаго въ очахъ Бога и людей. Самые невѣрные соглашаются съ этимъ. „Христосъ соединяетъ въ Себѣ,—говоритъ Теодоръ Паркеръ, американскій Штраусъ,—высочайшія нравственныя предписанія и Божественную жизнь, и такимъ образомъ осуществляетъ въ Себѣ мечту пророковъ и мудрецовъ и даже превосходить ее; Онъ свободно возвышается надъ всѣми предразсудками своего времени и своего народа; Онъ даетъ духу Божію свободный доступъ къ Своему сердцу, Онъ отодвигаетъ въ сторону учителей закона со всею ихъ хитростію и изъясняетъ Свое ученіе прекрасное, какъ свѣтъ, возвышенное, какъ небо, и истинное, какъ Богъ. И Ренанъ, какъ онъ ни искажилъ жизнь и характеръ Іисуса, признается однако, что въ словѣ и дѣлѣ, въ ученіи и жизни „герой“ Назарета (кощунственное выраженіе Ренана) не имѣетъ себѣ равныхъ и что эта слава останется за Нимъ вѣчно и навсегда.

Мы видимъ Іисуса во всѣхъ обыденныхъ и обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ,—видимъ Его, какъ сына, брата, друга, гражданина, учителя, дома и въ обществѣ. Мы видимъ Его обращеніе со всѣми классами общества,

съ грѣшниками и благочестивыми, съ бѣдными и богатыми, съ больными и здоровыми, съ малыми дѣтьми и взрослыми мужчинами и женщинами, съ простыми рыбаками и образованными книжниками, съ презрѣнными мытарями и почтенными членами синадріона, съ друзьями и врагами, съ удивляющимися учениками и жестокими гонителями, то съ такими мужаами, какъ Никодимъ, то съ женою Самарянкою, то въ семейномъ кругу двѣнадцати, то въ толпахъ народа. Мы видимъ Его во всѣхъ положеніяхъ, — въ синагогахъ и храмѣ, дома и въ путешествіи, въ деревняхъ и въ городѣ Іерусалимѣ, въ пустынѣ и на горѣ, на Іорданѣ и на берегахъ Галилейскаго моря, на веселомъ брачномъ пиршествѣ и на печальныхъ похоронахъ, въ страшной борьбѣ въ Геосиманіи, въ судилищѣ, предъ первосвященникомъ, царемъ и римскимъ губернаторомъ, предъ грубыми солдатами и фанатической толпой и наконецъ въ ужасномъ крестномъ мученіи на Голгофѣ.

Во всѣхъ этихъ различныхъ отношеніяхъ, обстоятельствахъ и положеніяхъ, какъ онѣ сложились въ три года Его общественнаго служенія, Онъ показываетъ постоянно и неизмѣнно одинъ и тотъ же характеръ, не подвергая себя ни малѣйшему порицанію. Онъ исполняетъ всѣ обязанности къ Богу, людямъ и самому себѣ, безъ малѣйшаго опущенія и вполне соображается съ закономъ и по духу и по буквѣ. Его жизнь есть непрерывное служеніе, дѣятельное и страдательное повиновеніе святой волѣ Божіей, единственный величайшій фактъ совершеннѣйшей любви къ Богу и людямъ и личнаго самопожертвованія ради славы Небеснаго Его Отца и для искупленія падшаго чловѣчества. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ Его жизнь, тѣмъ сильнѣе побуждаемся повторять о Немъ слова народа, изумленнаго Его дѣлами выше всякой мѣры: *добръ все творитъ* (Марк. 7, 38). Въ своей первосвященнической молитвѣ къ Небесному Отцу, въ часъ разлуки съ міромъ, Онъ имѣлъ полное право возвѣстить всему міру, что Онъ прославилъ Отца на земли и совершилъ дѣло, которое Онъ Ему далъ.

(Продолженіе будетъ.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣрные признаки дѣйствительной смерти (*). Вопросъ о мнимой смерти, о способахъ отличить мнимую отъ истинной и о безусловно вѣрныхъ

(*) Эта статейка перепечатывается въ тѣхъ видахъ, что описанный въ ней способъ удостовѣренія въ дѣйствительности смерти можетъ пригодиться священникамъ въ ихъ приходской практикѣ.

признакахъ смерти давно занималъ врачей; жизнь постоянно и настойчиво требовала рѣшенія этихъ вопросовъ. Но не смотря на то, ученіе о смерти вообще до послѣдняго времени оставляло эти вопросы открытыми. Важность предмета и всеобщій интересъ побудилъ парижскую академію наукъ учредить особую премію за указаніе вѣрной пробы, посредствомъ которой можно было бы всякому, даже не посвященному въ тайны медицинской науки, съ точностію узнать наступленіе смерти во всякое время и безъ помощи какихъ нибудь инструментовъ. Въ послѣднее время, докторъ Магнусъ, изъ Бреславля, предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій и опытовъ по этому предмету и результаты своихъ извѣстій сообщаетъ въ послѣдней книжкѣ „Архива“, издаваемого Вирховымъ. Докторъ Магнусъ прежде всего поставилъ себѣ вопросъ о томъ, гдѣ, въ сферѣ какихъ отправленій животнаго организма надобно искать признака истинной смерти. По его мнѣнію, этихъ признаковъ, слѣдовъ слѣдуетъ искать въ сферѣ „растительной“ жизни, въ отправленіяхъ дыханія и кровообращенія. Подъ вліяніемъ продолжительныхъ болѣзней или вслѣдствіе наружныхъ вредныхъ вліяній, глубоко потрясающихъ организмъ, отправленія тѣла совершаются съ самою малою напряженностію, которая едва поддерживаетъ жизнь. При такомъ состояніи, называемомъ обыкновенно „мнимой смертію, всѣ проявленія жизни организма низведены до мінімум, такъ что они неуловимы даже для искуснаго и образованнаго врача. Жизнеспособность роковымъ образомъ связана съ непрерывнымъ токомъ крови и поглощеніемъ кислорода. Какъ только эти дѣятельности останавливаются на определенное, впрочемъ, преступающее извѣстные предѣлы, время, жизнь, по нашимъ фізіологическимъ понятіямъ, должна прекратиться. Такая важность кровообращенія побудила Магнуса сдѣлать опыты надъ органами этой группы. Перевязывая, напримѣръ, ниткой палецъ на живомъ человѣкѣ, мы видимъ, что чрезъ очень недолгое время палецъ начинаетъ краснѣть, нѣсколько набухать и потомъ дѣлается багровымъ и сине-багровымъ; это окрашиваніе происходитъ равномерно по всему пальцу, кромѣ мѣста перевязи, гдѣ цвѣтъ бѣловатый. На загрубѣвшихъ мозолистыхъ рукахъ это явленіе замѣчается не такъ отчетливо, въ такомъ случаѣ для этой же цѣли можетъ служить другая часть тѣла, напримѣръ ушная сережка. На группѣ никогда такого окрашиванія не бываетъ, такъ что большое число или цѣлый рядъ опытовъ надъ умершими отъ различныхъ причинъ далъ рѣшительные отрицательные результаты. Пока организмъ живетъ, перевязка пальца должна вызывать равномерное окрашиваніе его, начиная отъ перетяжки до конца члена, потому что крѣпкая перевязка пальца представляетъ механическое препятствіе движенію венозной крови, ко-

торая застаивается въ волосныхъ сосудахъ. Какъ бы ни было слабо теченіе крови, наложенная нитка должна нарушать его и производить застой венозной крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окрашиваніе въ синевато-красный цвѣтъ члена. Такимъ образомъ, этимъ простымъ опытомъ можно доказать, что въ перетянутомъ членѣ кровь находилась въ обращеніи, которое было нарушено перевязкой, слѣдовательно, перевязка, напримѣръ, пальца или ушной сережки можетъ произвести такіа измѣненія, которыя постоянны на живыхъ людяхъ и немислимы на трупахъ. Окрашиваніе перевязаннаго члена говоритъ за сохраняющуюся еще жизнь, а противоположенное тому явленіе можно назвать вѣрнымъ и общедоступнымъ признакомъ смерти.

(„Голосъ“ 1872 г. № 293.)

Какъ поступать, когда потребуется переименовать имя уже крещенному? Въ московской епархіи потребовалось назначеніе мужескаго имени сыну губ. секретаря Швецова, нареченному женскимъ именемъ Александры. Консисторія положила мнѣніемъ предписать священнику такой-то церкви, чтобы онъ исполнилъ это, взявъ въ руководство молитвы, напечатанныя въ большомъ требникѣ, „во еже знаменати отроча“, и другія, читаемыя въ 40 день по рожденіи. Митрополитъ Филаретъ не согласился на это мнѣніе. Вотъ его резолюція отъ 22 мая 1839 года: „Если бы консисторія вникнула въ чинъ и молитвы: то увидѣла бы, какъ несообразно нарекать имя двадцатилѣтнему крещенному 1) по чину некрещеннаго младенца, и по чину четырехдесятидневнаго младенца воперковляти, то есть, начинать вводить въ церковь того, кто былъ въ ней столько лѣтъ, и безъ сомнѣнія и святыхъ Таинъ приобщался. Учинить слѣдующее: 1) велѣть отроку приготовиться къ принятію святыхъ Таинъ, и при исповѣди и приобщеніи святыхъ Таинъ наречи ему имя (нареченъ Александромъ), которое, бывъ употреблено при таинствахъ, и будетъ для него твердымъ. О семъ сдѣлать отмѣтку въ метрической выписи“.

Противъ оспы. Въ виду повсемѣстнаго почти распространенія въ Россіи оспы, приводимъ соображенія о специфическомъ средствѣ противъ оспы, полученные отъ доктора М. Вихерть. Онъ пишетъ:

Sargascia purpurea, radix et folia употребляется краснокожими въ натуральной оспѣ (*variola vera*). И дѣйствительно это растеніе, по своему специфическому дѣйствию, должно занять самое высокое мѣсто въ практической медицинѣ. Какъ хининъ въ лихорадкѣ, такъ *sargascia purpurea* противу оспеннаго яда—специфическія лекарства.

Оспа болѣзнь ужасная: въ нѣсколько дней превращаетъ здороваго, красиваго человѣка въ гнилой безобразной трупъ, а выздоровѣвшаго на всю жизнь клеймить неизгладимыми рябинами. Практическая же медицина оставалась при этомъ только безсильнымъ зрителемъ. Теперь безопадному владычеству оспеннаго яда пришелъ конецъ. Того, чего не могли достигнуть бѣдныя труженики науки и все великіе мыслители рациональной медицины, тому грубый эмпиризмъ дикаго народа побѣдоносно положилъ предѣлъ.

Оспа, какъ и всякая заразительная болѣзнь, имѣетъ свое характеристическое леченіе. Періоды ея нашъ народъ очень мѣтко обозначаетъ выраженіями: „три дня горитъ, три дня высыпаетъ, три дня наливаетъ и три дня подсыхаетъ“, — хотя на практикѣ за частую бываетъ и дольше. При употребленіи *sarracenia purg.* весь ходъ оспы измѣняется: правильность періодовъ исчезаетъ и все припадки, какъ бы магически, пресѣкаются.

Я наблюдалъ одинъ случай, но онъ такъ замѣчательнъ по своему быстрому перевороту болѣзни, что невольно становись въ тупикъ. На восьмой день болѣзни, когда оспенные прыщи были въ полной силѣ, лице сплошь ими было покрыто и припухло до безобразія; къ тому — рвота, бредъ, при сильномъ лихорадочномъ состояніи, растрескавшійся языкъ, неутолимая жажда — въ такомъ-то положеніи дѣйствіемъ *sarrac. purg.* не болѣе какъ въ сутки, все измѣнилось: оспенные прыщи начали подсыхать, лихорадка исчезла, а вмѣстѣ съ нею головная боль, бредъ, рвота, и жажда. Языкъ дѣлается при этомъ мягкимъ, влажнымъ; однимъ словомъ, страшная картина разрушенія организма замѣняется желаніемъ больнаго хорошо поѣсть — признакъ самый благодѣтельный. Такое быстрое измѣненіе болѣзни нельзя ничѣмъ другимъ объяснять, какъ только специфическимъ дѣйствіемъ *sarracen. purg.* А надобно замѣтить, что пораженный осною болной — слабого сложенія тридцати лѣтъ, и два раза имѣвшій прививную коровью оспу, которая однакожь ни мало не помѣшала развитію сильной натуральной оспы. И если бы не *sarrac. purg.*, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что болной сдѣлался бы жертвою оспеннаго яда.

Sarracenia purpurea была мною употреблена въ слѣдующей формѣ: „*Rp. rad. saracen. purg. pulv. unciam unam. Coque ex aq. fontanna libr, un. ad reman. unc. octo; cola. S. Omni hora cochlear. unum mensuale sumatur.* подогрѣвая каждую ложку. Снаружи въ видѣ примочки: „*Rp. foliorum saraceniae purpureae unciam unam. coque ex aq. fnt. libr. nn cola, S. Примочка.*“. При постоянномъ употребленіи означеннаго лекарства въ продолженіи пяти дней измѣненія, претерѣваемые оспинами были слѣдующія: онъ сохли, при-

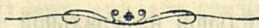
плюскались; жидкое содержимое всасывалось, плотное принимало видъ желтообразной массы, но не чернѣли, какъ это должно было бы быть обыкновенно, при правильномъ теченіи натуральной оспы. Потому-то и чернаго, безобразнаго, слитаго струпа не было—равно какъ и нестерпимаго зуда, его неизмѣннаго спутника. На волосистыхъ частяхъ головы и бороды, равно какъ и на остальной поверхности тѣла, примочка не была употреблена, и тамъ оспины хотя подверглись подобному измѣненію, но причиняли самый ничтожный зудъ.

Извѣстно, что оспенные прыщи высыпаютъ не одновременно: одни ранже, другіе позже, тѣмъ самымъ и созрѣваніе ихъ не бываетъ дружно, равно какъ и подсыханіе. Въ данномъ случаѣ было тоже; только съ тою разницею, что и тѣ изъ оспинъ, которыя не достигли обыкновеннаго своего развитія, дѣйствіемъ саггасеп, ригрг., даваемого внутрь, хотя и не достигли свойственной имъ зрѣлости, а подсыхали наравнѣ съ созрѣвшими.

Такое явное парализующее дѣйствіе вышеупомянутаго средства на оспенный ядъ можно только объяснить предположеніемъ: саггасепіа ригригеа содержать въ своихъ составныхъ частяхъ неизвѣстное намъ начало (алколоидъ), которое обладаетъ сильнымъ средствомъ съ оспеннымъ ядомъ, насыщаетъ его и тѣмъ самымъ мѣшаетъ ему мультиплицироваться; его измѣняя нейтрализуетъ и такимъ образомъ совершенно прекращаетъ разрушающее его дѣйствіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дальнѣйшія, изслѣдованія анализа откроютъ и оправдаютъ то, что мы пока только предполагаемъ.

Провидѣніе слѣдствіемъ неисповѣдуемыхъ судебъ, хотя и ниспосылаетъ страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ и средства для ихъ излѣченія. „Ищите и обряцете, толщете и отверзется“.

(Подольск. Еп. Вѣд.)

Редакторъ, ректоръ семинаріи, протоіерей *Іоаннъ Лаговскій*

Дозволено цензурою 23 апрѣля 1873 г.

Г. Пермь. Типографія Поповой.